

«МЕРЦАЮЩИЕ СМЫСЛЫ»

(НОВАЯ КНИГА О ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА)*

Возвращение к тому слову, которое сегодня, казалось бы, не звучит и относится к почтенной, «музейной» старине, можно объяснить историко-литературными интересами исследователя или же попыткой, «пыль веков от хартий отряхнув», увидеть старую поэзию новыми глазами. В новой монографии проф. П. Е. Бухаркина задействованы обе причины обращения его к поэзии М. В. Ломоносова. Но, разумеется, для нас, читателей, прежде всего существенно важна вторая причина. О ломоносовской поэзии писали и пишут многие историки и филологи, начиная с К. С. Аксакова («Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», 1846) до И. З. Сермана («Поэтический стиль Ломоносова», 1966) и Н. Ю. Алексеевой («Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках», 2005). Тема не нова, как не нова и мысль о том, что творчество Ломоносова является одним из мощных истоков русской поэзии трех последующих веков.

Однако обсуждаемая книга отличается рядом особенностей, и первая из них — это попытка взглянуть на наследие Ломоносова не только как на единство многих талантов — естественнонаучного (физика, химия, математика, горное дело и т. д.), изобразительного (мозаичное искусство) и словесного, но как на проявление «самостоятельного эстетико-филологического ума» (с. 28), печать которого лежит с тех пор на русской поэзии. В ломоносовском стихотворстве сплелись древнерусские (поморские) традиции, навыки русского барокко, опыт немецкой одической поэзии (Гюнтер, Юнкер, Готшед), философское вольфианство, и своеобразный патриотический историзм — «государственный пафос», как выражается автор (см. с. 35), заданный реформами Петра.

Еще одна особенность подхода Бухаркина к поэзии Ломоносова заключается в том, что выявляется особенное отношение его героя к русскому слову, которое — как литературный стиль и лексикон — Ломоносов ориентировал главным образом не на немецкую (хотя автор не сбрасывает ее со счетов) или латинскую, а на «славянорусскую» традицию (а через нее — на ее византийские и древнегреческие корни), обеспечив стойкое национальное своеобразие нашей словесности. И при этом русская словесность оставалась и остается *европейской*, восходящей к единым корням античности.

Развивая мысль Л. В. Пумпянского, автор пишет: «Поэзия Ломоносова ознаменовала рождение русского поэтического стиля, главным внешним свойством которого оказывается уравновешенность и согласованность всех элементов, особо заметные на лексико-семантическом уровне. Слово употребляется у Ломоносова не само по себе, не отдельно, но всегда и неизменно как часть единого семантического целого, где все взаимосотнесено и от каждого элемента зависят все остальные. Системность — вот наиболее точная и адекватная характеристика доминирующего в ломоносовском поэтическом языке начала» (с. 71). Правда, в этой характеристике, которую автор дает стилю Ломоносова, можно усмотреть некоторую противоречивость. Если Ломоносов-поэт остается в рамках рефлексивно-традиционалистской (риторической) эпохи, так называемой «культуры готового слова» (см. с. 51), которую мы обычно связываем с барокко, то каким же образом мог он прорвать границы этой культуры, например, в своих духовных одах и не только в этом жанре? О духовной оде говорится: «Она в несоизмеримо большей степени обращена к внутренней жизни человека, нежели к социальной его активности. Этим, кстати, обуславливается особый лиризм духовной оды» (с. 149). Не является ли ломоносовский лиризм нарушением традиции «готового слова»? Заметим, что и автора книги, и любого внимательного читателя поэзии Ломоносова поражает ее мощное личностное начало — стоит взять даже не оду, а знаменитый «Разговор с Анакреоном» или прелестное, очень личное и очень грустное стихотворение «Кузничек дорогой...» (1761). «Эти неофициальные стихотворения Ломоносова, — как пишет Алексеева, — отличаются простосердечием и задушевностью».¹

Известно о яростном личном темпераменте Ломоносова и его совершенно особой, уникальной позиции среди современников (об этом сказано и в книге Бухаркина — см. с. 42 и след.) Он являлся «центральной литературной фигурой своего времени», но отнюдь не был «литературным папой», как, например, Готшед, но оставался борцом, полемистом, работником на ниве науки и просвещения, как его образец — император Петр. Нам Ломоносов представляется скорее разрушителем, чем хранителем традиции в литературе — но это, разумеется, предмет для спора. Не системность, а выход из системы и посев личного начала в поэзии — вот,

* Бухаркин П. Е. Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова. СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.

¹ Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 221.

как кажется, заслуги этой уникальной личности, если смотреть на нее из далей нашего XXI века.

А необыкновенность этого «невиданного доселе в российских пределах поэта» (с. 40) превосходно показана в исследовании Бухаркина. Это, собственно, является пафосом или, на наш взгляд, главным достоинством этой работы.

Автор книги сосредоточивается на ломоносовской оде (отчасти — на басне) — это его право. Тем более что через оду исследователь выходит на такие глубинные мировоззренческие проблемы, как топосы тишины и свободы и пресловутая проблема добра и зла (см. в книге главы пятую и шестую). Именно на этих страницах автор несколько смягчает свою мысль о ломоносовском традиционализме. Бухаркин пишет: «Возможно и, наоборот, даже должно говорить о едином

смысловом и волевым пространстве духовных од Ломоносова, но это — *расплывчатое пространство семантического поля с его подвижными границами*, а не строгая и целенаправленная структура...» (с. 156; курсив наш. — Р. Д.). Как нам кажется, очень верно отмечает автор «мерцание смыслов» в духовной оде Ломоносова (см. с. 159). Это свидетельствует о том, что старинные тексты по-прежнему живут и действуют.

Необходимо сказать еще об одной особенностях книги Бухаркина о Ломоносове-поэте. Работа написана с большой теплотой, отражающей глубокую личную симпатию автора к своему герою, — а это всегда украшает книгу и подкупает читателя. Последнее немаловажно для современности, от которой великий помор отстоит уже довольно далеко. Однако «большое видится на расстоянии».

© А. Г. Бобров

О ЗАГОВОРАХ И ЗАКЛИНАНИЯХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

В своей недавней монографии исследователь из Нижнего Новгорода Алексей Валерьевич Коровашко предпринял отважную попытку изучить историю бытования в русской литературе фольклорных по происхождению текстов — заговоров и заклинаний — на протяжении без малого двух столетий, от эпохи романтизма до наших дней. Эта новаторская работа могла появиться на свет только теперь, в начале XXI века, и тому есть по крайней мере две причины.

Во-первых, на протяжении многих десятилетий, с 1920-х годов и вплоть до второй половины 1980-х годов, исследование русских заговоров и заклинаний находилось под неофициальным запретом. Изучение словесной магии долгое время рассматривалась советской цензурой как пропаганда суеверий и было почти полностью табуировано в отечественной науке. Еще в 1985 году на Малышевских чтениях в Пушкинском Доме автору данной рецензии по указанию чиновника из Василеостровского райкома КПСС пришлось менять в названии совместного с А. Е. Финченко доклада «Пастушеский заговор на Русском Севере» слово «заговор» на слово «фольклор». А. В. Блум отмечал в этой связи: «Мелочные придирки характерны не только для собственно цензуры, но и для администрации, сотрудников райкома партии (Василеостровского района, на терри-

тории которого располагается институт). Даже выпущавшиеся в ограниченном числе экземпляров (на машинке, позже — в ксерокопированном виде) программы научных конференций подлежали строгому идеологическому контролю. Так, например, в программе вторых „Малышевских чтений“ 1978 г., как называются в память В. И. Малышева проходящие до сих пор ежегодные конференции по проблемам древнерусской литературы, из названия доклада Н. В. Поньрко „Богородица — покровительница риторов“ вычеркнуто первое слово. Еще курьезнее (и печальнее, конечно) выглядит операция, произведенная в программе чтений 1985 г. Первоначально доклад А. Г. Боброва и А. Е. Финченко назывался так: „Пастушеский заговор на Русском Севере“. Велено переименовать его на „Пастушеский фольклор на Русском Севере“ — из опасения, должно быть, что первое название может навевать мысль, что существует некий тайный заговор пастухов (против советской власти?)¹ Заведующий Древлехранилищем имени В. И. Малышева В. П. Бударагин также считает, что партийных работников напугало слово «заговор» в значении «тайное соглашение о совместных действиях против кого-либо в политических и других целях», но никаких объяснений «цензоры», конечно, не давали. Можно полагать, что и другое значение слова

* Коровашко А. В. Заговоры и заклинания в русской литературе XIX—XX веков. М.: Изд-во Кулагиной — INTRADA, 2009. 364 с.

¹ См.: Блум А. В. Как это делалось в Ленинграде: Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953—1991. СПб., 2005. С. 193.